

О. Ф. РУСАКОВА,

*заведующая отделом философии Института философии и права
Уральского отделения РАН, главный редактор альманаха «Дискурс-Пи»,
доктор политических наук, профессор (Екатеринбург)*

ДИСКУРС КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ КАК СОЦИЕТАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

Коммуникативное пространство представляет собой континуум непрерывного обмена смыслонасыщенными культурными кодами, ценностями, образами и другими символическими фигурами и знаковыми системами. Регулятивно-контрольную функцию в этом круговороте символического обмена выполняют дискурсы.

Дискурсы — это способы ментального конструирования социальной реальности, это также способы интерпретации значимых общественных процессов и явлений. Между дискурсами идет непрерывная конкурентная борьба за доминирование в области означивания, придание общественным феноменам

того или иного смысла. Эта дискурсная борьба в эпоху глобализации приобретает глобальные масштабы. В ней выигрывает тот, кто, благодаря своему преимуществу в коммуникативном пространстве, смог закрепить за собой приоритетное право в обозначении и интерпретации социальных реалий.

К примеру, в настоящее время в международных отношениях явно доминирует дискурс, переинтерпретирующий то, что ранее трактовалось как вмешательство во внутренние дела государства, в акцию по распространению демократических ценностей. В ряде новых независимых государств, возникших в Восточной Европе и на территории бывшего

СССР, доминантными становятся дискурсы, обозначающие прошлую и настоящую политику России как имперскую и колониальную.

Помимо борьбы за означивание, дискурсы выполняют функции идентификации и объединения людей вокруг определенных символов и ценностей в разнообразные сообщества. Для успешного их функционирования и развития особенно важно, если объединяющие их дискурсы обладают социетальными свойствами, то есть выступают важным социетальным капиталом.

Если говорить кратко, то *социетальный капитал представляет собой синтез или соединение власти знаков с коммуникативной стратегией на достижение общего блага — доверия, согласия, взаимопонимания, свободного и мирного согласования притязаний*.

В наше время высоко ценятся такие коммуникации, которые производят социетальный эффект. Таковыми выступают дискурсы, приводящие участвующие стороны путем соблюдения принципов ненасилия, равноправия, взаимоуважения, доверия и согласия к консенсусным решениям.

Представление о дискурсе как о социетальном капитале особенно отчетливо сформулировано Юргеном Хабермасом. Связав понятие дискурса с теорией социального действия (стратегического, нормативного, драматургического, коммуникативного), он особо выделяет так называемое *дискурсное общество*, которое в целом характеризуется им как консенсусное.

По Хабермасу, дискурс представляет собой диалог, в процессе которого происходит согласование спорных притязаний на значимость с целью достижения согласия: «В дискурсах мы пытаемся заново произвести проблематизированное согласие, которое имело место в коммуникативном действии, путем обоснования»¹. В дискурсе осуществляется артикуляция притязаний на значимость путем их тематизации, что создает условия для проведения дискурсии. В дискурсе также осуществляется принуждение к такому действию, которое ведет к нейтрализации мотивов, выступающих внешними по отношению к мотиву кооперации. В дискурсивной коммуникации господствует лишь специфическое «ненасильственное принуждение» наилучшего аргумента. Аргументация трактуется как главный путь продолжения поиска согласия.

¹ Цит. по: Фурс В. Н. *Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса*. Минск, 2000. С. 66.

Хабермас создал своеобразную этическую теорию дискурса, получившую название «*этика дискурса*», где дискурс рассматривается как альтернатива теории рационального выбора, которая исходит из принципа эгоистического поведения индивида в условиях конкуренции. Рационально-эгоистической коммуникации Хабермас противопоставляет дискурсивную коммуникацию, в основе которой лежат принципы особой этики — этики дискурса.

Этика дискурса, по Хабермасу, включает *принципы справедливости и солидарности*, характерные для коммунитаристского мировоззрения. Данная этика преодолевает либеральный эгоцентризм и формулу индивидуального успеха за счет конкурентной борьбы с другими. Как пишет Хабермас, дискурсивно достигаемое согласие зависит одновременно и от незаменимого «да» или «нет» каждого отдельного лица, и от преодоления эгоцентрической перспективы, которое вовлекает всех в осуществляемую ради взаимного убеждения практику аргументирования.

Кроме того, этика дискурса, считает Хабермас, может служить делу формирования общезначимых принципов и норм в обществах переходного типа, в которых возникает кризис моральных ценностей, а также — в мультикультурных и плюралистических сообществах, которые испытывают большие трудности в области согласования моральных и социально-политических кодов. Принцип дискурса, как отмечает исследователь, служит ответом на то замешательство, в котором оказываются члены *любой* моральной общности, когда при переходе к современным обществам мировоззренческого плюрализма они осознают дилемму, состоящую в том, что они по-прежнему спорят друг с другом относительно моральных убеждений и позиций с привлечением тех или иных оснований, в то время как их фоновый субстанциальный консенсус относительно основополагающих моральных норм уже нарушен.

Каким же образом в этике дискурса артикулируется общезначимая для участников переговоров моральная норма? Как избежать того, чтобы достижение согласия не свелось к констатации общих мест, лишенных действенной силы?

Для того чтобы общественное согласие в отношении моральных норм оказалось действенным и эффективным, необходимо, считает Хабермас, саму этику дискурса ввести в область морали, а моральные нормы пост-

традиционного демократического и плюралистического общества прочно соотнести с дискурсивной практикой, нацеленной на достижение взаимопонимания. Данный подход он назвал принципом дискурса, или *принципом D*.

Согласно данному принципу, претендовать на действенность могут лишь те нормы, которые способны в практических дискурсах снискать одобрение всех, кого они касаются. При этом «одобрение», достигаемое в условиях дискурса, представляет собой согласие, мотивированное эпистемическими основаниями; его нельзя понимать как договоренность, рационально мотивированную в эгоцентрической перспективе каждого.

Принцип D предполагает следование определенным правилам, которые надо соблюдать в процессе аргументации. Хабермас называет следующие четыре важнейшие правила дискурсивной аргументации, которых должны придерживаться участники публичного обсуждения: а) никто из желающих внести релевантный вклад в дискуссию не может быть исключен из числа ее участников; б) всем предоставляются равные шансы на внесение своих соображений; в) мысли участников не должны расходиться с их словами; г) коммуникация должна быть настолько свободной от внешнего или внутреннего принуждения, чтобы позиции принятия или непринятия относительно критикуемых притязаний на значимость мотивировались исключительно силой убеждения более весомых оснований. Если же каждому, кто вступает в процесс аргументирования, приходится соблюдать хотя бы эти прагматические условия, то в прагматических дискурсах а) вследствие публичности и включенности всех заинтересованных лиц, а также б) в силу коммуникативного равноправия их участников могут быть приведены лишь те основания, которые в равной степени учитывают интересы и ценностные ориентации каждого; а благодаря устранению возможности в) обмана и г) принуждения решающее значение для одобрения спорной нормы могут иметь лишь приводимые основания. При условии, что каждый ожидает от каждого ориентации на достижение взаимопонимания, этого «свободного от принуждения» принятия той или иной нормы можно, в конечном итоге, добиться лишь «сообща»².

Соблюдение отмеченных правил Хабермас считает возможным при условии перехода общества от либерально-рыночной политической практики, подчиненной логике рынка, к политике иного типа — «делиберативной политике». По сути, *делиберативная политика есть особая дискурсивная формация, присущая такому гражданскому обществу, где все вопросы решаются методом открытой публичной дискуссии, направленной на достижение согласия*.

В этом проектно-дискурсивно-политическом пространстве формирование общественного мнения и политической воли в публичной сфере подчиняется не структуре рыночных процессов, но самобытной структуре публичной коммуникации, ориентированной на достижение взаимопонимания. Для политики (в смысле практики гражданского самоопределения) парадигмой является не рынок, а диалог.

Итак, понятие дискурса возводится Хабермасом до принципа жизнедеятельности коммуникативного пространства особого типа, в котором коммуникации между социальными общностями изначально нацелены на взаимопонимание, взаимоуважение, солидарность и согласие. Их функционирование предполагает также соблюдение определенных этических норм ведения диалога.

Конечно, далеко не всем дискурсивным формациям присущ социетальный характер. Конкурентами социетальных дискурсов выступают агрессивные дискурсы, конструирующие и провоцирующие конфликтные ситуации и социальные антагонизмы. Структура такого рода дискурсов представляет собой бинарные оппозиции по типу друг — враг, свой — чужой, наши — не наши и т. п.

Существуют также менее жесткие, но тем не менее далеко не социетальные дискурсы публичных коммуникаций, получившие широкое распространение в связи с развитием *мягких технологий информационно-идеологического воздействия* и успешно применяемые в современной рекламе, шоу-бизнесе и шоу-политике. Провозглашаемые публично, социетальные стратегии коммерческой и политической рекламы (успешное разрешение проблем потребителей, забота об их благополучии, здоровье и т. п.) на деле маскируют сугубо утилитарные интенции. Внешняя социетальность на практике выполняет функцию социально-психологического манипулятора.

² Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001. С. 76.